

Польско-русский комментарий польских воспоминаний

Эта исследовательская работа получила 3-ю премию VI-го Всероссийского конкурса Международного Мемориала "Человек в истории. Россия - XX век" (2004 г.) была опубликована в «Стенгазете» 18.04.2015 г. (WWW.STENGAZETA.NET). Отклики на эту публикацию:

Геня: Большое спасибо!!! Я дочь репрессированных украинцев родилась в пос.Колючий в 1952 году помню очень много....отзовитесь одноклассники
Василий: Сегодня произошло чудо. Искал историю своих родителей по месту моего рождения в тайшетском районе. Ищу место пребывания моей сестры Пуриховской Елены в Бирюсинском детдоме в 1962-67г. и через вашу информацию узнаю, что в детдоме до 1964 находились дети депортированных граждан Польши. Самого меня с рождения до 7 лет советская власть определила в Тулун. закрытое детское учреждение для детей поляков. До сего дня я не имел об этом представление и считал до сих пор, что я и сестра находились в обычных государственных дошкольных детских учреждениях. Выходит что Советы репрессировали не только взрослых граждан Польши, но загоняли в гетто родившихся детей поляков, распределив их по этапу по разным закрытым детским учреждениям предназначенных для поляков. Я испытываю отвращение к советам, к гебистам из прошлого установившим национальное празднование 4 ноября. Придётся огорчить сестру- патриотку, тем, что она как и я по метрикам не русские. Благодаря стенгазете у меня в душе всё встало на место. В душе я всегда осознавал, что не могу отнести себя к титульной нации российской империи.

Амир: Я воспитанник Квитковского детдома, но немножко позже. С ностальгией вспоминаю те дни. До сих пор помню фамилии одноклассников. А на национальность мы как-то не обращали внимания. Но все равно спасибо. Детствомдохнуло ...

Kristina Ruta: Огромное спасибо за работу, я сама - дочь репрессированных литовцев, родилась в дер Колючий, мне очень хотелось узнать об этом страшном времени больше, благодарю автора. Кристина Яурайте Дзевентлаускене, dzeventlauskiene@gmail.com

lisausyk@earthlink.net: I am interested in corresponding with the author of this article. My greatgrand mother was a Piskadilo. We had family members missing and never knew what happened. I hope you can read English. Lisa M. Usyk Valatie, NY USA

Я, Бережнова Мария, занимаюсь историей депортации поляков в предвоенные годы (1939-1940 гг.) в Тайшетский район Иркутской области. Среди различных документов по теме моего исследования есть несколько писем (1992-1993 гг.) из Польши. Письма эти были адресованы моему учителю истории Евгению Сергеевичу Селезневу. Вместе с этими письмами ему прислали 15 копий анкет Восточного Архива Польши, воспоминания двух польских граждан, бывших депортированных: Ирины Щенской и Евгения Грабского. Письма, копии, тексты воспоминаний и их перевод на русский язык присылал пан Антони Пискадло. Переводы воспоминаний он снабдил подробными комментариями. Я много раз перечитывала все эти документы, пока писала свое исследование "Тайшетская ссылка депортированных народов, 1939-1952 гг."

Но однажды, во время работы над исследованием, Евгений Сергеевич сказал, что взгляды самого пана Пискадло на некоторые вопросы прошлого и современности Польши, его комментарии к воспоминаниям очень интересны.

Я еще раз все перечитала и решила написать вот эту работу, назвав ее “Польско-русский комментарий польских воспоминаний”. Пан Пискадло как будто бы дал мне урок – как надо работать с воспоминаниями. А еще эти комментарии дали мне много знаний по истории Польши, депортации. Это настоящий урок истории, не такой, как в школе. Настоящий – значит, есть общение с живыми участниками исторических событий, перед которыми не слюкавишь, не прикинешься знающим, как перед учителем на уроке о чьей-то чужой истории.

Потом я пофантазировала: будто бы пригласила в Сибирь, в Тайшет, в гости к себе пана Антони, чтобы он побывал там, где родился, и для беседы. Ведь нам есть о чем поговорить. И вот пан Антони как будто бы приехал и беседа наша состоялась.

И я, Маша Бережнова, начала ее так: "Первое свое письмо Вы, пан Антони, прислали без указания, кому именно письмо: “Тайшетский район, п. Шиткино, “Мемориал”. А там нет никакого “Мемориала”, но были люди, знавшие, что такое общество есть в Тайшете и что им руководит Е.С.Селезнев. И кто-то переслал письмо ему. Так оно оказалось в архиве историко-просветительской организации “Бирюса-Мемориал”. Хорошо, что не потерялось.

Вы писали в письме (подлинный текст сохранен):

“...Я родился в 1940 году на Сибири, в селе Колючи (Шиткинский реен, Иркутской области), куда в том году вывезена была моя семья из Залещик (города на юге-востоке бывшей Польши). Мы потом пребывали еще по очереди: в Каине (село близ Колюч), около города Шиткино, в селе (колхозе или совхозе) Болюшкин (или Болюшкино) – несколько километров от Тулуна, и наконец в Тулуне. Мои родители, сестра и один брат уже не живут; остался только я и старший брат, который много уже забыл”.

Во-первых, я хочу Вас поблагодарить за письмо – ведь из-за него состоялась наша переписка. Во вторых, сделаю кое-какие уточнения к вашему письму, прежде чем мы поедем туда, где вы родились. Правильное название этого поселка рабочих Шиткинского химлесхоза – не “Колючи”, а Колючий. Химлесхоз – это предприятием по сбору сосновой смолы. Сибиряки ее называют живица. Поселок этот был небольшой – всего три улицы. Имелись в Колючем небольшой лесоперерабатывающий заводик (изготавливали клепку – стандартные сосновые доски для производства деревянных бочек под сбор живицы), клуб, школа, магазин, баня, контора химлесхоза и местная дизельная электростанция для завода. В небольшом сосновом лесочке еще в начале 70-х годов были могилы умерших поляков. Стояли почерневшие высокие деревянные кресты, правда, без надписей. Через этот лесок шла тропинка к поселковой бане на берегу реки Пойма. По руслу этой реки проходила граница между Нижне-Ингашским районом Красноярского края и Тайшетским районом Иркутской области. Здесь же пролегла в конце 30-х годов одноколейная железнодорожная ветка от п. Решоты (Красноярский край). Теперь эта уже настоящая железная дорога Решоты-Багучаны (поселок на реке Ангара – там строится Багучанская ГЭС). Вдоль нее с 1937 года расположились лагерные отделения печально известного ИТЛ ГУЛАГ “Краслаг”. Заключенные этих лагерей и строили железную дорогу, что бы вывозить заготовленный лес.

В поселке Колючий еще с конца 20-х годов были размещены ссыльные, раскулаченные, жившие здесь под наблюдением спецкомендатуры. В начале 70-х годов поселка не стало – предприятие ликвидировали и жители

разъехались. Поселок совсем исчез, даже не сохранились места, где стояли дома. Все поросло молодыми сосенками.

Вот на карте село Бирюса, где до сих пор находится Бирюсинский детский дом. А это – поселок Квиток и рядом находящиеся поселки – лесопункты Нижнеудачный и Верхнеудачный Квитковского леспромхоза. Именно здесь были размещены депортированные поляки с марта 1940 года. Совсем недалеко от Квитка в 1938 году началось строительство западного участка Байкало-Амурской магистрали. Строить ее начали заключенные Южного, Западного ИТЛ ГУЛЖДС. ГУЛЖДС – это Главное управление исправительно-трудовых лагерей железнодорожного строительства. В 1941 году строительство было приостановлено в связи начавшейся войной. Заключенных перевели на лесозаготовки. После войны вновь начали ее строить. Возникли новые лагеря – Ангарский ИТЛ, а в 1949 году особый лагерь Озерный. Особый потому что в лагере этом находились осужденные по статье 58 уголовного кодекса СССР. Поляки тоже, к сожалению. В 1945 году сюда стали поступать японские военнопленные.

Совсем в другом месте, на севере Тайшетского района, в 130 километрах от Тайшета, поселок Каен на берегу реки Бирюса. По нашим сведениям поселок до приезда поляков уже существовал, но поляки построили еще один – Каен-2. Каена в настоящее время не существует.

Что касается Тулуна, то это районный центр Тулунского района Иркутской области. Находится он восточнее Тайшетского, после Нижнеудинского района по Транссибу. Вот теперь вы можете представить все места вашего проживания в годы тайшетской ссылки, прежде чем поедем по этим местам.

И еще, пан Антони: вот копия бланка регистрации ЗАГСА Тайшетского района о Вашем рождении. Здесь записано: “ Пискадуво” а затем исправлено “Пискадло Антоний, поляк, родился 13 мая 1940 года в пос. Колючий”. О родителях в графе “Особые отметки” сказано, что они спецпереселенцы “осадники” – отец Франц Матвеевич, 39 лет, и мать Мария Юзефовна, 38 лет, рабочие, проживают в данном населенном пункте 3 месяца.

А теперь я хотела бы, пан Антони, поговорить о воспоминаниях Ирины Щенской и Евгения Грабского и кое-что уточнить. Мы будем их читать и вместе с вами комментировать какие-то места – особо интересные и важные для меня. Чтобы мне было все понятно.

* * *

Ирина Щенская, “Сибирские воспоминания”

Из воспоминаний Ирины Щенской: “Мы были семьей, состоящей из семи человек, работали в хозяйстве в восемнадцать гектаров. Эту землю получил мой отец-легионер”.

Комментарии пана А. Пискадло:

“ Восемнадцать гектаров – это и в довоенной Польше большое хозяйство (исключая, разумеется, помещичьи, магнатские). Но такое хозяйство ни отец пани Ирины, хотя легионер, ни другие заслуженные польскому государству участники боевых дел 1914-1921, просто “получить” не могли. Земельная реформа, установленная польским парламентом в 1921 году, предусматривала парцелляцию (разделение) части помещичьих земель и их продажу безземельным и малоземельным, чтобы строили и развивали собственные хозяйства. Правда легионеры могли такие хозяйства покупать по самым удобным условиям: дешево и в рассрочку, в то время как другим нужно было платить полную цену.

И еще о понятии “легионер” в контексте этих воспоминаний.

Легионеры это солдаты-добровольцы (действительно добровольцы) Польских легионов-отрядов (по численности и названию – бригады), сформированных Иосифом Пилсудском (позднейшим начальником возрожденного польского панства) в 1914 году для боев с царской армией, совместно с армией австро-венгерской. Тогда, в начале первой мировой войны, Пилсудский надеялся на победу центральных государств и одновременно такое ослабление воюющих стран, что в конце или после войны возможным будет возрождение независимой Польши.

Когда Польша стала свободной (11.11.1918 г.), легионеры стали офицерским и сержантским составом польской армии, сыграли большую роль в ее успехах в течение боев для закрепления границ 1918-1921, но прежде всего, в течение польско-советской войны 1919-1920. По этим причинам в период первой и второй войнами легионеры пользовались в Польше привилегиями.”

Маша Бережнова: В литературе о польской депортации, среди тех, кого прежде всего вывозили из восточной Польши, называются “осадники”. Вот и Ваших родителей в бланке регистрации рождения тоже записано “осадники”. Я искала объяснение этого слова: это поляки, которые были мобилизованы польским правительством для обороны Польши от Красной Армии в войне 1919-1920 гг. Так ли это?

Антони Пискадло: Да, панночка Мария, так. Они выдержали осаду Красной армии в той войне и отсюда закрепилось слово “осадники” за этими людьми.

Маша Бережнова: Теперь понятно, почему этих людей прежде всего депортировали – СССР рассматривало их как врагов своих в прошлом, и как потенциальных врагов в случае войны. Вот и пани Ирина в воспоминаниях приводит тому подтверждение:

“Мы были свидетелями, через замочную скважину, вот такой сцены: какого-то ранга офицер, приложив к челу отца револьвер, так говорил: “...ты сукин сын, поляцкая морда, ты в двадцатом году воевал?”. Отец отвечал: “ воевал”. Офицер спрашивал: “а ты убивал наших?”. Отец ответил, что стрелял, но не знает – поразил или нет. На это офицер: “тебя расстрелять надо”. Папа снял шапку, перекрестился, опустил руки и сказал: “стреляйте”. А тот взбесился: “О нет! Тебе бы было слишком хорошо, если бы тебя расстреляли. Ты поедешь в Сибирь, увидишь, как твои ребята помирают из голода и только тогда подохнешь!”.

Ничего удивительного нет в том что пани Ирина надолго запомнили эту страшную сцену... Хотя, конечно, после стольких лет сохранить в памяти все дословно трудно. Наверное, пани Ирины здесь немного перефразировала разговор советского офицера с ее отцом. Но суть разговора, конечно же, запомнила и передала.

Из воспоминаний Ирины Щенской: “...1939 год. Во время копки картофеля до нас дошли сведения о начале войны... Когда минуло две недели, наступали русские войска... Дядю русские убили, не разрешали похоронить его две недели...Фамилия дяди – Станислав Ковальски, он был капитаном войска польского, награжденным орденом Виртути Милитари, работал как войт волости Липнишки...”

Комментарии пана А. Пискадло:

Наступление русских войск началось 17 сентября 1939 года, согласно московского пакта Рибентропа-Молотова от 23 августа 1939. Со стороны Сталина это был вероломный разрыв польско-советского договора о ненападении, заключенного 25 июля 1932 года. Крест Виртути Милитари (название латинское: Мужество Солдатское) – самый высокий польский боевой орден. Установлен последним польским королем Станиславом Августом 22 июня 1792 г. Имеет 5 класс. Дядя пани Ирины, и как кавалер этого ордена, и как офицер-резервист будущий войтом волости, мог быть для

советских солдат – тогда насыщенных сталинской противоположной пропагандой – синонимом непримиримой вражды... Разумеется – это не объясняет убийства. Что ж... Не он один был тогда убит.

Мой отец, Францишек Пискадло, был тоже участником польско-советской войны 1919-1920, как сотни тысяч молодых поляков; к русским людям не имел никакой ненависти – воевал для обороны Родины; счастье – его не убили; поехал только, с семьей, на “сибирскую экскурсию”.

Маша Бережнова: “Я бы хотела сказать несколько слов о вероломстве Сталина, как Вы, пан Антони, выразились. Как вы знаете, 28 сентября 1939 года в Москве был подписан второй советско-германский договор. А к договору прилагались три секретных протокола. Вот передо мной газета “Правда” от 25 мая 1989 года и в ней опубликованы тезисы, подготовленные Комиссией ученых СССР и Польши по истории отношений между двумя странами. Так вот, комиссия дала свои оценки о договоре от 28 сентября 1939 года: “В процессе принятия и реализации решения, в том числе по договору от 28 сентября, Советским правительством были допущены серьезные нарушения международно-правовых норм”.

Из воспоминаний Ирины Щенской: “...И так мы работали до 10 февраля 1940 года, когда ночью заехали в наш дом несколько солдат и двое саней, чтобы нас вывезти в Сибирь...И так мы двинулись к железнодорожной станции в Беляконях, отдаленной на 25 километров...И мама запела (имела прекрасный голос): “Уже не увижу тебя любимая Родина...” Было 40 градусов мороза...”.

Комментарии пана А.Пискадло: “...Городок Белякони теперь в западной Белоруссии, при границе белорусско-литовской, на железнодорожном тракте Лида-Вильнюс, перед второй мировой войной был подчинен уезду Лида воеводства Вильно (Вильнус). Пани Ирина не упоминает места, в котором перед войной жила ей семья и из которого их забрали в Сибирь. Я еще раз написал ей и вот этот адрес: поселок Скробовщизна, волость или иначе гмина – Собутники, почта Гэраноны, уезд Лида, воеводство Вильнюс... Липнички, где жил дядя пани Ирины, пан Станислов Ковальски – сегодня городок тоже в Белоруссии, около 20 км. к северо-востоку от г. Лида. “Уже не увижу тебя любимая Родина...” – строки из песни польских ссыльных в Сибири, участников вооруженного восстания 1863 года (так называемого “январского”)

Из воспоминаний Ирины Щенской:

«...Мы ехали три недели. На более крупных станциях открывали вагоны и кричали: ”два человека за хлебом, два человека за вареной пищей!»

Комментарии пана А. Пискадло: “...Хотелось бы сказать – быстро. Мою семью везли через около шесть недель: забрали нас, как и пани Ирину, 10.02.40 г., а в Колочий мы приехали около 24.03.1940 г. Просто поезд много раз останавливался на менее или более долгое время, а в последнем этапе мы ехали много дней санями”;

Маша Бережнова: Тут какая то небольшая неточность получается, пан Антони. В бланке регистрации вашего рождения записано, что вы родились 13 мая 1940 года. Время проживания ваших родителей в Колочем указано “3 месяца”. Если считать вплоть до дней: с 24 марта по вашим словам до 13 мая, дня вашего рождения, то получатся не три месяца, а 1 месяц 18 дней, почти два месяца. Скорее всего, это можно объяснить так: родители ваши при регистрации вашего рождения назвали срок проживания в Сибири с 10 февраля, а не с 24 марта. Или это так решили работники ЗАГСА. Но я думаю, что три месяца или 1 месяц не меняет трагедии польских депортированных. Хотя долгое проживание в Сибири усугубило бы страдания в первые дни и годы депортации. Видимо, поляки прибывали в Тайшетский район разными партиями и в разное время. Что заставляет так думать? Имеются различные документы из архива мэрии г. Тайшета, в которых рассматривались вопросы

касающиеся спецпереселенцев. Один из таких документов – решение Тайшетского райисполкома от 5 февраля 1940 года. В документе речь шла о том, что предприятие Тайшетский химлесхоз не может принять спецпереселенцев, так как не имеет достаточного количества помещений.

Из воспоминаний Ирины Щенской:

“Мы приехали к местности Золотая гора, там ждали нас постройки поселка, раньше заселенного предыдущими заключенными... Это были бараки, построенные на сваях, под каждым можно было пройти, пол из полурасколотых бревен, такие же стены и потолок, щели просвечивал свет. Был март и до этого 40 градусов мороза - волосы примерзали к стенам. В бараке, разделенном только досками, жила 21 семья. Таких барачков было более десяти на этой Золотой горе. В каждом было три печи -“козы” – два при входах и один посередине”

Комментарии пана А. Пискадло: “Интересно... Я встретил в профессиональной литературе такие же конструкционные основы в постройках сибирских эвенков: традиция их построек на сваях восходит глубокое прошлое”.

Маша Бережнова: Теперь уже трудно определить особенности построек. Все сгнило, разрушилось. Но развалины этих барачков на Золотой горе сохранились. Теперь здесь сенокосы жителей Квитка. Золотая гора – печальное место не только для поляков. Пани Ирина совершенно права, говоря о том, что здесь до приезда поляков находились заключенные. Это заключенные одной из колонн (зон) Тайшетского ИТЛ УНКВД по Иркутской области, который существовал с 1937 года. Заключенные занимались лесозаготовками. В годы войны здесь еще содержались заключенные-несовершеннолетние, а затем их перевели в Нижнеудинск. Поселок Золотая гора ликвидировался уже в конце 50-х годов, и был он одним из лесозаготовительных участков Квитковского леспромхоза. В этом леспромхозе трудилось много депортированных поляков. А трудиться им пришлось по решению Тайшетского райисполкома, который 12 марта 1942 года принял постановление “ О введении трудовой повинности населения на граждан иностранного происхождения, проживающих в Тайшетском районе”.

Из воспоминаний Ирины Щенской: “Летом 1941 года к нам пришло страшное известие, что немцы начали с Россией войну и истребили тысячи польских офицеров”

Комментарии пана А. Пискадло: “ ...Пани Ирина ошиблась: в 1941 году еще никому (кроме Сталина и его людей) не было известно о массовом расстреле польских офицеров (пленных)”.

Маша Бережнова: Да, я читала книгу о Катынской трагедии. А еще в архиве “Бирюсы-Мемориал” сохранились газетные вырезки за 1989-90 годы. Вот фотография в газете: это М.С. Горбачев передает бывшему президенту Польши В. Ярузельскому материалы по Катыни – списки поляков, которые были расстреляны.

Из воспоминаний Ирины Щенской:

“В деревне Бирюса мы встретили много добрых людей русских, которые старались помочь нам, а одновременно была там тоже одна семья поляков из вывоза 1920 года.”

Комментарии пана А. Пискадло: “Да, в 1920 году русскими тоже были вывезены поляки из восточных районов, по мере похода войск вашего талантливого генерала Тухачевского к Варшаве и Буденного к Львову – но это были вывозы несравнимыми по масштабу с депортацией 1940 года”.

Из воспоминаний Ирины Щенской: “...у ...Шуры Крытыниной... у которой мы жили, пропал кусок хлеба и подозрение пало на моего брата; папа брата побил, а потом

показалось, что это не он своровал. Тогда отец не выдержал, стал на колени и начал кричать к небу – а он был очень верующим человеком – “Бог мой, как я могу быть отцом! Ты Отец, возьми себе этого ребенка...я уже не могу!”. Второго дня пришла колхозница... Купрыниха и спросила отца, мог бы он скосить ей траву. И так через почти 10 дней папа приносил 5 литров молока, большой кусок сыра и калач более килограмма, а сам получил трехразовое питание. Я возвратила себе веру...”

Комментарии пана А. Пискадло: “...Ой, хочется пошутить... В 10 дней можно одному человеку скосить даже 4-5 гектаров луга. Могла ли иметь колхозница так много частного луга? 5 литров молока, калач, сыр и еще питание – жить, не помирать, рай, а не Сибирь! Наверное, пани Ирина описывает сон об утраченной Польше, о своем предвоенном хозяйстве...”

Маша Бережнова: Я с вами пан Антони, вполне согласна – уж очень богатую плату за работу получил отец пани Ирины. Давайте сравним ее вот с такими данными: нам удалось разыскать письмо польской девочки подругам в Польшу, написанное в 1940 году из Квитка. Девочку звали Хелена Вольштыняк (письмо было опубликовано в одном из журналов “Сибиряк” и копию его предоставила в архив “Бирюса-Мемориал” К.В. Турушева-Мирошниченко, депортированная в Квиток в 1940 году). Она писала: “...Зарабатываем мало, хлеб стоит 1 руб. кг. Дают два кг муки ячневой и 1 кг овсяной крупы и еще 1 кг гороха. Это на месяц рабочему, а кто не работает, тот ничего не получает. Жизнь тяжелая...”. Трудно не поверить Хелене.

Да и архивные материалы говорят что обстановка в поселках проживания депортированных поляков была ужасная: “...зарплата низкая..., прости на работе по 7 часов, невыходы на работу из-за отсутствия хлеба...”. На партийном собрании Квитковского мехлесопункта от 1 марта 1941 года рассматривались вопросы положения поляков: “ ...Жилища очень скверные, холодно, масса клопов, грязь. Большая скученность. В таких условиях рабочий придя домой не может отдохнуть... С питанием дело обстоит скверно. Хлеб выпекается одного сорта, недоброкачественный, сырой. Овощей нет, а имеющаяся капуста лежит на складах...Недостаточно витаминов в питании вообще явилось болезнью детей спецпереселенцев и массой смертных случаев...Нет круп, рыбы, молока...”.

А еще мне удалось составить небольшое статистическое исследование по данным архива городского ЗАГСА в подтверждение слов выступающего на собрании и массовых случаях смерти среди спецпереселенцев поляков. Я взяла данные карточек о смерти поляков. Пока обработала только 122 карточки. В них есть много интересных сведений, но меня интересовали такие: дата смерти, возраст умершего, причина смерти. Потом я все обобщила и у меня получились такие данные: за период с марта 1940 по май 1941 года (а это мирные времена, война не началась еще) в Квитке, Нижнеудачном, на Золотой горе умерло 122 человека. Из них 52 человека в 1940, 64 в 1941 в возрасте 1 год - 15 лет. Таким образом, детская смертность среди ваших земляков депортированных составила 43% в среднем за каждый год. Это ужасно. 27% – это показатель смертности поляков в возрасте старше 60 лет. Выходит, что умирали в основном дети и старики. Во время каких-то исторических трагедий, революций, войн, реформ всегда прежде всего и больше страдают именно дети.

Конечно, все страдали, и люди в зрелом возрасте тоже. Среди причин смерти в карточках назывались: туберкулез, туберкулезный менингит, авитаминоз, заболевание легких, истощение... Люди болели одновременно несколькими болезнями.

Из воспоминаний Ирины Щенской: “Младшего брата забрали в сиротский приют...”

Комментарии пана А. Пискадло: “...Речь идет о Францишке Ручиньском (пани Ирина по мужу Щенская, урожденная Ручиньская), наверно отдан не в сиротский приют (но так могли называть), а в Бирюсинский детский дом”.

Маша Бережнова: Да, пан Антони. Хочу Вас еще раз поблагодарить за сведения о польских детях Бирюсинского детского дома. У нас есть копия одной из книг приказов за 1939-1940 гг. Бирюсинского детского дома о зачислении детей в детдом. Благодаря этой книге мы и нашли фамилии польских детей. В предвоенные и в военные годы дети размещались в нескольких небольших деревенских домах, когда-то принадлежавших кулакам. Условия были, конечно, очень плохими. Об этом свидетельствуют воспоминания бывших воспитанников. Но все они благодарны, что попали в детский дом и тепло вспоминают о нем. Не знаю как Вы, пан Антони, но меня эта благодарность не совсем понятна. Детские дома создавались только из-за того, что государство лишило детей родителей, счастливого детства... А потом создало эти дома. И что же получается – люди еще и благодарят государство... Странно как-то все это. Но потом я подумала, что они не государство благодарят, а работников детдомов, сам детский дом за то, что не оказались на улице без условий для жизни... В книге приказов, в графе о родителях много указаний “неизвестно”, “тюрьме”, “в Красной армии”... Меня удивляет запись “неизвестно”. Как это, в таком тоталитарном государстве, где все под контролем, каждый человек, и вдруг – неизвестно? Я думаю, что за этим словом скрывается факт нахождения человека в лагерях ГУЛАГа или факт его казни.

* * *

Евгений Грабский “Воспоминания сибиряка”

Из воспоминаний Евгения Грабского:

“Десятый февраль будем помнить,
Пришли Советы, ночью нас забрали (взяли)
И наших ребят в сани садили,
На главную станцию нас повезли”

Комментарии пана А. Пискадло:

“...Песенка (фрагмент), созданная поляками в Сибири, наверное, в 1940 году, отсылающая к трагическому моменту первой массовой депортации поляков – 10.02.1940, из восточных районов довоенной Польши (из территорий занятых советскими войсками 17.09.1939 и в следующие дни сентября). Вторая массовая депортация была 1314.04.1940. Случаи единичных и семейных вывозов происходили, разумеется, и позднее. Третья волна вывоза поляков (тоже из сегодняшней территории Польши) в Сибирь наступила уже после освобождения Польши 1944-1945 и касалась главным образом солдат польской Армии Крайовой (АК).

Раньше, в сентябре 1939 года и следующих месяцев, были вывезены десятки тысяч польских военнопленных, а всего в годы 1939 - позднесороковые годы вывезено в Сибирь и европейскую часть СССР 1.500.000-1.800.000 польских граждан. Песенка, наверное, не была произведением профессионального поэта, а только плодом простого народного творчества, простых ссыльных. Она имеет много вариантов. И, может быть, никто не знает ее целиком. Я тоже знаю ее не целиком и не в первоначальном, думаю, тексте. Но укрепилась она в сердцах польских сибиряков, так как укрепилась воспоминания ужасных годов ссылки...”

Маша Бережнова: Вы не назвали еще “андерсовцев”. Под таким названием велся в ГУЛАГе учет поляков заключенных, спецпереселенцев, которые в 1942 году воевали с немецко-фашистскими войсками в составе армии под командованием В.Андерса. Эта

армия была сформирована на территории СССР. Польское эмиграционное правительство вывело армию на Ближний восток, а затем на север Италии. Так вот, на 1.01.1954 года в СССР на учете состояло 2 720 072 спецпереселенца, среди которых было 36 883 поляка. И отдельной категорией учитывались “андерсовцы” – 4.5339 человек. Спецпереселенцы этой категории были и на территории нашего района.

Из воспоминаний Евгения Грабского:

“Дают нам понять, кто господин жизни и смерти. Эти государи – жестокие энкаведисты, безжалостные. Начинают бить и убивать невинных ребят и взрослых, но есть еще искорка надежды выжить”

Комментарии пана А. Пискадло: “Где-то могло и так быть, прежде всего, по городам, где искали польских офицеров и солдат, избежавших плена, интеллигентов и так далее. Но по селам раскулачивали, и то не всегда. Например, у нас, под самим Залещиками (крестьянская колония) советская оккупация до начала 1940 года происходила так, как бы ее и не было. Никого не убили. Только зимой или поздней осенью 1939 какие-то советские комиссары ходили по домам, подробно списывая инвентарь. Это было приготовление к депортации, о чем, разумеется, полякам не было известно”.

Из воспоминаний Евгения Грабского: “Поездка-кошмар окончилась около 15 мая 1940 года на краю девственной тайги, на берегу реки – как потом оказалось – Енисей, между Красноярском и Новосибирском”.

Комментарии пана А. Пискадло: “Скорее, 15 марта. Подтверждают это десятки анкет в варшавском Восточном Архиве... Моя семья вывезена из тех же мест (может быть тем же самым транспортом) и привезена в Колючий – прибыла туда приблизительно в середине марта. Автор, видно, путает дату приезда с датой смерти матери, уже в Колючем, 15 мая, о чем пишет дальше. Эшелон остановился, наверное, в окрестностях Красноярска, и от этого места ехали санями – в Колючий на Пойму. Автор путает Пойму с Енисеем. Может быть Енисей – как огромная река – произвел на всех необыкновенное впечатление и потому так укрепился в памяти так, что вызывает ошибки”.

Маша Бережнова: Да, пан Антони, в воспоминаниях пана Грабского большая ошибка. От Красноярска до Колючего на санях никак не могли везти депортированных – это очень далеко: примерно 400 километров. Вероятнее всего, что поезд остановился в Тайшете или на станции Решоты. От Решот до Колючего примерно километров 150-160. Хотя в 1940 году от Решот ходили поезда, которые вывозили заготовленный заключенными лес. Если бы поляков везли на этом поезде до Колючего, то до места жизни от станции Колючий рукой подать и никакой транспорт не понадобился. Вам надо уточнить, что есть станция Колючий на ж/д Решоты-Багучаны и есть поселок Колючий, что в 2-х километрах от станции. И еще один момент: поселок Колючий находился на правом берегу реки Пойма. А вот по воспоминаниям на левом берегу вплоть до 70-х годов имелись развалины каких-то полуземлянок и всего один небольшой домик прямо на берегу. Вот здесь то и разместили депортированных.

Из воспоминаний Евгения Грабского:

“Почти девятилетний мальчик и сестра Маруся почти трехлетняя, остаемся полными сиротами в Сибири. Я кормил свиней и заботился о трехлетней сестре; кормя свиней, я не попробовал даже их хвоста за пять лет их кормления”.

Маша Бережнова: Детские дома в Бирюсе и Квитке имели свои подсобные хозяйства: огороды, пашни, свинарники, коровники. Все это было необходимо для производства продуктов питания. И воспитанники детских домов, конечно же, работали на подсобном хозяйстве. Выращенное, произведенное шло на столы для детей. Конечно,

этого питания было недостаточно. Мне кажется, что пан Грабский не совсем объективен, говоря, что не попробовал даже “хвоста свиного”, то есть свинины. Есть много воспоминаний воспитанников детского дома, в которых говорится и о недостаточности питания в годы войны, о работе в подсобном хозяйстве детдома, но и о том, что все произведенное там – было только для детей. А если что-то и шло для фронта, то не вовсе в ущерб детям. Если и недоедали, то все – и русские, и польские дети.

Из воспоминаний Евгения Грабского: “Дорогое паньство, чтобы все это, о чем пишу, понять, надо было это пережить; неправда, что только поляки вывезенные на работу в Германию, пережили годы ужаса и страха. Мы тоже пережили голод и убийства, как и вывезенные в Германию, но мы жили в стократно худших условиях. Я сам пережил смерть самых близких родственников, любимых матери и отца, которые до сих пор не имеют своих могил, так как их тела разорвали волки”.

Комментарии пана А. Пискадло: “Некрасиво соперничать в таких печальных делах. Кто больше сала давал?... Автор забывает, что те же немцы провели 6 миллионов только польских граждан через дымоходы крематориев...”

Маша Бережнова: Я тоже не согласна с паном Грабским, когда он говорит о более – “в стократ” – худших условиях жизни поляков в Сибири чем тех, кто был угнан в Германию. Вряд ли бы осиротевшего пана Грабского с сестрой германские власти отправили бы в детдом. Скорее всего, в концлагерь. Но

воспоминания пана Грабского такие, как будто бы пан Грабский только что все пережил ... И время не лечит его душевных ран.

Пан Пискадло писал, что многие поляки, к которым обращался за воспоминаниями, отвечали: “...Вы верите, пан Пискадло, что информация о нас, тут в Польше живущих, для русских – безопасна для нас?”.

Меня эти строчки очень удивили: как же поляки похожи на русских!

Во время сбора воспоминаний тайшетцев (репрессированных когда-то, прошедших лагерями ГУЛАГа), мы довольно часто сталкивались с нежеланием рассказывать о своем прошлом. У некоторых чувствовался скрытый страх. Но мне, не пережившей таких трагедий, их не понять. Чего бояться? Возвращение репрессий? Или опять прослыть в глазах других людей лагерником, “бандерой”, “власовцем” и еще бог весть кем? А может им просто неприятно ворошить прошлое? Мне показалась, что за этой боязнью скрывается какая-то обида поляков на нас, русских, за то что было в прошлом. Конечно, не у всех поляков. А если и есть, то это удивительно – ведь прошло столько лет, а многие люди, народы, даже целые нации так и не научились прощать друг другу старые обиды далекого прошлого. Но пан Антони не такой:

“...Я, отец, мать, сестра и два брата – как знаете, депортированы и провели в Иркутской области 6 лет (1940-1946); другие Пискадлы – часть семьи кузенов– были депортированы 13/14 апреля 1940 г. (вторая волна массовой депортации) в Казахстан из г.Дрогобыча (сегодня в Тернопольской области Украины); один из этих кузенов, Виктор Пискадло (1907-1940) был расстрелян в Катые; его брат Юзеф (Иосиф) 1909-1944) был убит гитлеровцами в июле 1944года в лагере Колдычево под Барановичами (Белорусь); моя тетя – Ванда Януш– была сожжена в гитлеровском лагере Освенциме (Аушвиц); моя двоюродная сестра Валентина Ярош была в 1944 году убита (серией из пулемета) русскими освободителями...Богата жатва самих только Пискадлов...Но не беспокойтесь.

Не вам хочу предъявлять счет. Никому не хочу ничего предъявлять. Это только краткая информация о подробностях судьбы моей семьи. Вас, русских, погибло во второй войне больше 20 миллионов! Много ваших могил и на польской земле (около 600 тысяч) – я им всегда отдаю поклон. Вы, русские, дружили с нами в Сибири и – как я уже рассказывал– мы имеем о вас сердечные воспоминания. Война, лагеря, депортация – это всегда в истории работа политиков, государей, правителей”.

Знакомство с паном Антони Пискадло по письмам дало мне многое для понимания истории. После этого я как-то иначе стала относиться к политическим, экономическим и международным новостям: думать почему произошло то или иное событие, к чему это может привести, и какое это имеет значение для всех нас.